

Москва — другая планета?

Марина ЛЕВИНА

то были гастроли с забытым, но правильным советским размахом — две недели, шесть называний, десятки тонн впечатляющих декораций, все, кажется, ведущие и не ведущие актеры труппы плюс толпа студентов Дальневосточной академии искусств числом человек в пятьдесят — неизменная массовка, участник всех спектаклей. Летом, в середине театрального затишья, Москву посетил Приморский академический краевой драматический театр имени М. Горького.

Количество людей, пришедших на встречу с театром из Владивостока, которая не была разрекламирована столь же хорошо, как концерт Филиппа Киркорова или гастроли Мариинки, удивляло. Удавалось установить, что эти люди были: профессиональные зрители — критики, оставшиеся в Москве и по долгу профессии обязаные взглянуть на происходящее, одуревшие от отсутствия привычного наркотика любители театра, активные интеллигентные пенсионеры, которым летом тоже нечего смотреть и нечего делать (они составляют конкуренцию театральным студентам в очереди к администрации в течение всего сезона), знакомые и родственники организаторов, друзья театра. Но главную часть зрителей составили бывшие земляки гастролеров, осевшие ныне в Москве — члены Приморского землячества (есть и такое).

Москва — удивительный город. Из какого бы далекого края или республики ни приехал театр — у него всегда найдется своя, и немалочисленная, публика. Столица, изначально многонациональная деревня, — беспроигрышный в этом смысле вариант. Уровень привезенного почти перестает иметь значение. Главным определяющим событием становится слово "встреча" — прежде всего людей, они могут увидеться исключительно на спектаклях театра своего города, республики, края. И именно эта встреча — самый главный, настоящий праздник для них. Само по себе подобное трогательно, просто чудесно. Но так хотелось бы увидеть в рамках гастролей спектакль, привезенный в столицу потому, что это действительно грандиозное театральное событие, а не план местной администрации, театра (он не приезжал в Москву уже три года — значит, пора?). В подобной ситуации, по большому счету, оказывались за последнее время многие приезжие театры. Исключением стали лишь гастроли Театра Руставели Роберта Стуруа. И на них, кстати, рвались не одни представители грузинской диаспоры в Москве — у дверей стояли огромные очереди студентов всех театральных (и не только) вузов Москвы, толпы людей, очень любящих хороший настоящий театр.

Гастроли открывали представители администрации Приморского края. Через полчаса началась спектакль: "Поминальная молитва" Г. Горина — этого драматурга во владивостокском театре очень любят и спектаклями по его пьесам гордятся, недаром именно ими открыты эти первые после трехгодичного перерыва гастроли. (Правда, несколько смущает посвящение в одной из программок — "величайшему комедиографу 20 века").

Спектакль этот был самым искренним и гуманным из всех. Может быть, потому, что оказался он относительно простым и не претендовал на большее, чем мог дать. Но о достижениях позвольте позже — в конце.

В день второй — "Забыть Герострата" — к дверям театра "Содружества актеров Таганки", где проходили гастроли, пришло уже гораздо меньше публики. Из вышеперечисленных категорий зрителей остались верны театру только члены Приморского землячества и те многочисленные пожилые люди и немногочисленные театральные критики, готовые вынести все. Почти все.

На большой экран позади сцены проектировались отрывки из фильмов разных времен и народов — виды пожара от римского до московского 1812 года. Это было самым живым и правдивым куском спектакля. Внешне замаскированная под "современную", покрытая, как лаком, слоем притет сегодняшнего дня, постановка была довольно старомодна и достаточно скучна, подобно нравоучению. Как альтернатива мейнстриму в пределах собственных стен,

экран и сцена

пытаясь усидеть одновременно на двух стульях. Тенденциозность развлекательного искусства для масс, пропаганда в рамках искусства — это все, как и монументальность, из незабвенной и лишенной стыдливой советской действительности.

Напоследок — о спектакле театра, более выгодно выделяющемся на общем фоне.

Началась "Поминальная молитва" с погребения в глубине сцены, на самом верху настененного помоста, в луче бледного света старого еврея-скрипача (А. Воргардт). Скрипач — символ спектакля.

Это история об очень простых вещах — о любви, о понимании, о прощении, о преодолении разобщенности между людьми. Вся история Тевье-молочника и его семьи говорит уже столько лет и еще раз о том, как больно и глупо делить мир на евреев и украинцев, на русских и евреев, на русских и украинцев.

Тевье живет в Анатовке, она настолько мала, что ее нет ни на одной карте, ее населяют вперемешку те, кто отмечает субботу, и те, кто празднует воскресенье: украинцы, русские и евреи. На руках у Тевье жена Голда и пять взрослых дочек. Через историю семьи, которая сначала, казалось бы, безвозвратно разрушается, но потом, через боль, беду, прощение, собирается снова, с новыми действующими лицами, заменившими ушедших, дан алгоритм движения мира — естественно, на том уровне, что задает эта постановка. Ее можно было бы назвать немудрящей. Простые мизансцены, выстроенные иногда только потому, что режиссер любуется симметрией (например, дочь Тевье сидит посреди сцены, на огромном вздыбленном пространстве, позади нее — ровно и симметрично выстроенная огромная массовка, слева — православный священник, справа — отец; понять смысл, выраженный столь прямо, нетрудно, мизансцена знаменует положение девушки, оказавшейся вынужденной выбирать между любовью и долгом, верой). Лучшая актерская работа — Голды С. Салахутдиновой, существующей в финале второго действия с максимальной отдачей, так, что не только зрительское внимание, но, кажется, время и пространство концентрируются вокруг нее. Тевье — В. Сергеев, иногда смущает тем, что в старой провинциальной школе называли наигрышем. Главная роль в его исполнении немного отступает от центра, где должна находиться. Может быть, для этой роли нужен артист уровня Леонова (очень не хотелось сравнивать, используя запрещенный прием, но артист не дал возможности забыть о всяких сравнениях)?

Больше запоминается точный характерный А. Славский (родственник Тевье, неудачливый сват Менахем) — именно благодаря точности и характерности — и замечательно смешная и яркая в своем эпизоде Н. Айзенберг, мама Менахема.

Уровень оформления спектакля (В. Колтунов) — довольно стильное и концептуальное пространство — вполне современное, чего нельзя сказать о режиссуре. Иногда прямолинейной, иногда незаметной. Неизменно пристрастие постановщика к монументальности, к массовым сценам. В спектакле в большом количестве присутствуют музыка и танцы — как отдельные вставные номера. Главный аттракцион — долгий танец еврейских юношей с бутылками на головах. Под громкие и длинные, разбивающие спектакль аплодисменты.

"Москва — другая планета" — сказал, открывая гастроли художественного руководителя театра Ефим Звеницкий. Во Владивостоке попасть в Приморский театр имени Горького считается престижным. Он законодатель вкусов и мод, эталон эстетического. Он поставляет то, что требуют зрители, но и формирует вкус потребителя. И даже скорее формирует, чем поставляет.

Удаленность от Москвы, исключенность из общетеатрального контекста делает театр законсервированным во времени. Оно если не остановилось в его стенах, то течет гораздо медленнее, чем полагается по естественным жизненным законам. Такой вывод можно сделать по впечатлениям от московских гастролей. Но, быть может, дома все выглядят иначе?

• Сцена из спектакля "Мафиози"